

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА УЧИТЕЛЕЙ-ПЕНСИОНЕРОВ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1945–1955 годы)

А.Е. Смирницкий, Н.В. Старикова

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о мерах, предпринятых советским государством для улучшения социального положения одной из наименее защищенных категорий населения — учителей-пенсионеров в период первого послевоенного десятилетия. Анализируются различные направления государственной пенсионной политики. Уделяется внимание механизмам их реализации. Поднимается вопрос о роли в этом процессе общественных и партийных органов, а также центральной периодической печати. Особое внимание уделяется анализу документальных архивных источников. Новизна исследования видится в привлечении неопубликованных материалов ряда архивов, включающих данные делопроизводства первого послевоенного десятилетия, а именно статистические справки, отчеты, ходатайства и официальные ответы на них обкомов разных уровней профсоюзных организаций школьных педагогических работников и партийных органов. На материале данных документальных источников авторы исследовали становление социальной политики советского государства по отношению к учителям-пенсионерам в труднейшее для страны время и попытались реконструировать конкретные механизмы ее практической реализации. Актуальность проведенного исследования обусловлена острым интересом к опыту реализации социальных мер, в частности пенсионных, проводимых государственной системой в сложные исторические периоды. Авторами доказан системный подход советского правительства к решению материальных проблем школьных учителей, достигших пенсионного возраста.

Ключевые слова: учителя-пенсионеры, социальная политика, пенсионная политика, архивные материалы, профсоюзы школьных педагогических работников, дом престарелых учителей.

Для цитирования: Смирницкий А.Е., Старикова Н.В. Социальная защита учителей-пенсионеров в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 годы) // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. Часть 2. С. 244–253. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-244-253

SOCIAL PROTECTION OF RETIRED TEACHERS IN THE FIRST POST-WAR DECADE (1945–1955)

A.E. Smirnitsky, N.V. Starikova

Abstract. The article considers the measures taken by the Soviet state to improve the social situation of teachers-pensioners, who were one of the least protected categories

© Смирницкий А.Е., Старикова Н.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

of the population, during the first postwar decade. Various directions of state pension policy are analyzed. Attention is paid to the mechanisms of their implementation. The question of the role of public and party bodies, as well as the central periodical press in this process is also considered. Particular attention is paid to the analysis of documentary archival sources. The novelty of the study is seen in the unpublished material from a number of archives, including records from the first postwar decade, namely, statistical references, reports, petitions, and official replies to them by different-level regional committees of school teachers' unions and party bodies. Based on these documentary sources, the authors have investigated the formation of social policy of the Soviet state in relation to the teachers-pensioners at the most difficult time for the country and tried to reconstruct the specific mechanisms of its practical implementation. The relevance of the study is due to the keen interest in the experience of implementing social measures, in particular pensions, carried out by the state system during difficult historical periods. The authors have proved the systematic approach of the Soviet government to solving the material problems of schoolteachers who reached retirement age.

Keywords: *teachers-pensioners, social policy, pension policy, archival materials, trade union organizations of school teachers, nursing home for teachers.*

Cite as: Smiritsky A.E., Starikova N.V. Social Protection of Retired Teachers in the First Post-War Decade (1945–1955). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 1, part 2, pp. 244–253. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-244-253

Введение

Механизмы и опыт реализации социальной политики являются острой и востребованной темой в любой исторический период. В настоящее время ее актуальность для российского государства несомненна. Одной из наименее защищенных категорий населения нашей страны являются пенсионеры, в связи с чем изучение исторического опыта развития системы пенсионного обеспечения советским правительством в сложный период послевоенного десятилетия научно обоснован, в том числе применительно к отдельным категориям пенсионеров.

Осмысление современного состояния российского образования и социального положения учителей также требует привлечения исторического опыта. Особое внимание в условиях реформирования необходимо уделить учителям-пенсионерам как наиболее многочисленной и наименее защищенной категории школьных работников.

В современной исторической науке наблюдается всплеск интереса к отдельным аспектам темы социальной политики, проводимой советским правительством, в связи изучением истории труда и вопросов его мотивации [1, с. 176; 2, с. 479–493; 3, с. 431–452; 4]. В некоторых работах рассматриваются отдельные категории трудовых коллективов, условия их работы и социальные гарантии, предоставляемые государством [5; 6, с. 4–40]. Однако исследований, всецело посвященных пенсионному вопросу, представляющих комплексное изучение этой темы, весьма немного, что связано с локальным характером данной проблемы. Некоторые исследования посвящены общей социальной политике советского государства в конкретно-исторические периоды [7, с. 140–143; 8, с. 129–136]. Отдельные аспекты темы пенсионного обеспечения учителей в первые послевоенные годы затрагиваются в работах, направленных на изучение истории отечественного образования [6, с. 4–40; 9, с. 154–179; 4,

с. 18–89]. В диссертационном исследовании Д.И. Рабежа рассмотрен процесс становления и развития пенсионной системы постсоветской России. Однако автор затронул и советский опыт социального обеспечения, сделав, на наш взгляд, недостаточно обоснованный вывод об отсутствии в СССР системного подхода к этому вопросу [10, с. 12–20]. Проведенное нами исследование показало, что такая система была разработана и реализована весьма неплохо, учитывая те испытания, которые пришлось вынести советскому народу в годы Великой Отечественной войны.

Целью данной статьи стало исследование особенностей социально-правовой защиты учителей-пенсionеров в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.). Для получения полной исторической картины необходимо выявить принципы формирования основных направлений социальной политики СССР в указанный период по отношению к данной категории населения; исследовать механизмы их практической реализации; определить эффективность и специфические особенности, связанные с конкретно-историческими условиями.

Проведенное исследование основано на изучении и анализе неопубликованных архивных материалов, относящихся к источникам делопроизводственного характера. Основную массу из них составили отчеты, ходатайства, статистические справки обкомов профсоюзных и партийных органов, а также письма и обращения от граждан, вошедшие в материалы дела. Анализ данных источников позволил выявить круг острых вопросов, волновавших учителей, вышедших на пенсию, пути и способы их решения органами государственной власти. В отдельных случаях сохранившаяся «цепочка документов» позволила изучить и

реконструировать механизм решения того или иного вопроса. Отдельную группу источников составила периодическая печать, анализ которой позволил выявить злободневные социальные проблемы советского общества, с одной стороны, а с другой — еще один механизм реализации правительственной социальной политики — формирование общественного мнения и оказание морального давления на конкретные учреждения, функционирование которых связано с изучаемым вопросом.

Основные направления социальной политики по отношению к учителям- пенсionерам

В первое послевоенное десятилетие учителя-пенсionеры были одной из самых социально уязвимых категорий советского социума. Пережившие страшную войну, испытывавшие тяготы послевоенных лет, они нуждались в поддержке со стороны государства. Особенности менталитета учителя, сформированного под воздействием чувства долга, большой нравственной ответственности и идейной нагруженности, необходимости быть примером для подрастающего поколения, образцом поведения, не позволяли воспользоваться незаконными или около законными способами самообеспечения. Учитель как представитель публичной профессии не мог себе позволить обратиться к спекуляции или воспользоваться «полезными знакомствами», он был всегда на виду [11, с. 47–51; 12]. Подобное поведение осуждалось и государством, и общественным мнением.

Советское государство старалось решить вопрос с социальными гарантиями учителей-пенсionеров, насколько это было возможно в послевоенные годы. Можно выделить несколько направлений

в решении этой проблемы правительством. По линии профсоюза работников начальной и средней школы учителям-пенсионерам выделялись ордера на промышленные товары, столь дефицитные в то время, путевки в санатории, ссуды на покупку скота в личное пользование. Однако, как сообщают архивные материалы, эта помощь носила паллиативный характер. В них содержится множество жалоб учителей на низкое качество промышленных товаров, распределяемых по ордерам, а путевки в санатории зачастую оставались невостребованными, т. к. были не по карману данной категории населения.

Согласно «Разверстке путевок в дома отдыха и санатории за счет средств соцстраха» на 1950 г. на 100 чел. работников сферы образования приходилось 3,62 путевки вдома отдыха и 1,23 путевки в санатории. Как правило, на район выделялись лишь 1–2 бесплатные путевки [13, л. 514].

Ссуды на покупку скота носили возмездный характер, поэтому иногда учитель-пенсионер попадал в кабалу, не имея возможности вернуть долг. Так, в 1948 г. Кировский обком профсоюза работников начальной и средних школ рассматривал заявление учителя-пенсионера И.С. Бухарина, проживавшего в Кырчанском районе. В 1946 г. он взял ссуду для покупки коровы в размере 3000 рублей. Однако смог погасить ее лишь частично. Учитель остался должен государству 1375 рублей, которые выплатить не мог ввиду материальной необеспеченности. При этом купленная им корова пала. И.С. Бухарин обратился с просьбой об освобождении от дальнейших выплат. Обком ходатайствовал перед ЦК удовлетворить его просьбу [14, л 15–16 об.]. Характерно, что вопрос о павшей корове решался на центральном уровне. Долг перед государством с учителя-пенсионера списали, однако для этого

была создана специальная комиссия, которая эксгумировала труп и установила, что корова пала от болезни, а не от небрежного обращения. Следует отметить, что государство в те годы продавало гражданам выбракованный или истощенный скот.

В 1946 г. неработающие учителя-пенсионеры были приравнены в снабжении продуктами и промышленными товарами к работающим учителям. Однако с октября 1946 г. сельские педагоги (как работающие, так и нет) были сняты с карточного снабжения как связанные с сельским хозяйством.

Государство давало учителям-пенсионерам возможность работать, поскольку высоко ценило их опыт и знания и испытывало потребность в учительских кадрах. Широкий размах среди школьных педагогов пенсионного возраста в это время приобрело репетиторство. Особенный рост этого явления наблюдался в 1949 г. после введения всеобщего обязательного семилетнего обучения. Советское государство негативно относилось к взиманию платы за дополнительные образовательные услуги. Учителей, замеченных в получении денег с учащихся за оказание помощи в подготовке к предмету, немедленно увольняли. Предпринимались попытки создавать репетиторские группы при школах. Однако эти меры не помогли, т.к. спрос на репетиторские услуги был велик.

Размер учительской пенсии был крайне мал. Согласно разъяснению заведующего отделом социального страхования Кировской области, сделанному в 1947 г., пенсия учителя не могла превышать 150 рублей в месяц. При этом зарплата школьной уборщицы составляла 120 рублей в месяц. Единственным исключением были персональные пенсионеры. Согласно «Положению о персональных пенсиях»,

утвержденному постановлением Совета Министров РСФСР от 17 апреля 1947 г., персональные пенсионеры республиканского значения получали 1200 рублей, а местного значения — 600 рублей в месяц [15, л. 24].

Рубежным в социальной политике государства в отношении обеспечения учителей-пенсионеров стал 1948 г. Именно тогда вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О льготах и преимуществах для учителей». Данным документом вводилась система награждения учителей орденами и медалями СССР за выслугу лет. Согласно постановлению высшую награду Советского Союза — орден Ленина — мог получить учитель с 25-летним непрерывным педагогическим стажем работы в общеобразовательной школе и не имевший взысканий в период трудовой деятельности. Кроме того, 25-летний учительский стаж поощрялся пенсией за выслугу лет. Только по г. Горькому в 1951–1952 учебном году 4008 учителей было удостоено правительственных наград. Из них орден Ленина получили 233 учителя, орден Красного Знамени — 160, орден «Знак почета» — 215, медаль «За трудовое отличие» — 398, медаль «За трудовую доблесть» — 317 [16, л. 5].

Практика домов для престарелых учителей

Особое внимание правительство уделяло одиноким учителям-пенсионерам, которых было немало. В первые послевоенные годы в СССР для них открывались Дома престарелых учителей (ДПУ), созданные по образцу домов престарелых для представителей советской культуры. Этот уникальный опыт требует более детального изучения. В таком учреждении пожилой человек попадал в привычную ему среду людей, равных по духовным

запросам и потребностям, со схожими профессиональными интересами и опытом. Таким образом, создавалась почва для взаимного комфортного общения.

В 1946 г. был открыт Краснобаковский Дом престарелых учителей. Он располагался в 6 км от станции Ветлужская. К октябрю 1946 г. в нем проживал 31 человек, в то время как учреждение было рассчитано на 50 человек. Престарелые учителя размещались в нем следующим образом: в трех комнатах — по одному человеку, в трех — по двое, в одной — по семи, в одной — по четыре, в одной — по пяти человек [17, л. 74]. Сложно сказать, чем было вызвано столь неравномерное расселение учителей. Можно лишь предположить, что комнаты заселялись по мере прибытия постояльцев, а главными факторами в их распределении по комнатам были возраст и статус педагога. На каждого учителя выделялось по одной кровати с сеткой, два матраца, две простыни, две рубашки (зимняя и летняя), две пары чулок, две пары шерстяных носков, одна майка, свитер, трикотажная юбка, летнее и зимнее платья, кожаные чуваки, ботинки, валенки с галошами [там же, л. 74].

В условиях послевоенного времени весьма неплохим было питание учителей. Ежедневно они получали 500 г хлеба, 30 г сахара, 150 г мяса или рыбы, 100 г крупы, 20 г жиров. В отчете о посещении ДПУ профсоюзной комиссией 29 октября 1946 г. сохранилось меню учреждения на данный день: 1. Завтрак: картофельный суп с манной крупой и чай; 2. Обед: суп гороховый, рыба жареная с картофельным пюре; 3. Ужин: солянка овощная и чай. В личной беседе с членом комиссии учителя выразили полное удовлетворение питанием. По их отзывам оно было вкусным и сытным [там же, л. 74].

Для обеспечения постояльцев полноценным питанием при Краснобаковском

ДПУ было создано весьма крупное подсобное хозяйство. В 1946 г. под него было выделено 6,4 га земли, на которых было посеяно овса и вики — 3,25 га; картофеля — 2,25 га, посажено овощей — 0,6 га. Кроме того, в хозяйстве имелось 3 коровы, 2 теленка и 7 свиней [там же, л. 74].

Советское государство не ограничивалось предоставлением престарелым учителям крова и пищи. Оно заботилось о досуге педагогов. В ДПУ имелась комната отдыха, где в их распоряжение было предоставлено 4 гитары, настольные игры (лото, домино, шашки), небольшая библиотечка, газеты «Правда», «Горьковская коммуна», «Учительская газета», журналы «Новый мир», «Крокодил», «Огонек». Жители ДПУ занимались посильным трудом, например, вязали носки, шапочки, помогали подсобным рабочим на огороде (сторожили урожай, поливали овощи, пололи, окучивали).

В 1951 г. учителя ДПУ получили возможность вернуться к своей профессии. Краснобаковский РОНО организовал регулярные выезды пенсионеров в близлежащие школы, где они выступали перед учителями и учащимися, делиась своим опытом и знаниями.

Учителя Краснобаковского ДПУ создавали собственные общественные организации. Например, комитет содействия в составе 5 человек под председательством учительницы Л.В. Щедриной, избранный из постояльцев дома престарелых. Члены этого общества поочередно дежурили на кухне, следили, чтобы все продукты, отпускаемые на питание, попадали в котел. Комитет следил также за чистотой посуды и помещений.

Таким образом, Краснобаковский ДПУ был уникальным учреждением. В его стенах учителя оставались полноценными членами социума, в меру своих сил участвуя в общественной и культурной

жизни. ДПУ объединял людей, связанных общностью профессии и социального опыта, имеющих сопоставимый уровень интеллектуального и культурного развития, что способствовало появлению общих интересов, тем для обсуждения, взаимной эмоциональной поддержки, позволяло сохранять жизненную активность. Данные факторы создавали атмосферу доверия и взаимопонимания среди учителей и снижали риск возникновения разного рода конфликтов и ссор. Эти преимущества ценили и сами учителя, о чем красноречиво свидетельствует описанный в архивных материалах случай. В мае 1947 г. сняли по обвинению в хищениях директора Краснобаковского ДПУ Ф.И. Решетникова. В ответ на это событие группа престарелых учителей направила в адрес Горьковского обкома ВКП(б) письмо, в котором они просили восстановить Ф.И. Решетникова в должности, мотивируя это тем, что «Ф.И. Решетников является работником культурного фронта и поэтому может более, чем кто-либо другой, понять нужды и потребности учителей» [там же, л. 87].

Опыт работы Краснобаковского Дома престарелых учителей нашел поддержку Горьковского обкома профсоюза работников начальной и средней школы. В 1947 г. его председатель А.Н. Кирюшина в «Справке о материально-бытовом положении учителей г. Горького и Горьковской области», направленной в адрес отдела школ Горьковского обкома ВКП(б), рекомендовала открыть второй дом престарелых для учителей, т. к. Краснобаковский ДПУ был к этому времени переполнен, а педагогов, нуждающихся в крове и пище, по области насчитывалось 20 человек.

Второй дом престарелых был открыт лишь в июне 1949 г. в «Зеленом городе» в 28 км от Горького. Однако там проживали

не только престарелые учителя, но и медицинские работники. К июню 1951 г. в нем находилось 44 пенсионера в возрасте от 60 до 80 лет [18].

Заключение

Оценивая уровень социальной поддержки учителей-пенсионеров, следует подчеркнуть наличие в СССР государственных и общественных, партийных, советских и профсоюзных организаций разного уровня, которые были призваны защищать их интересы. Большую роль в деле социальной защиты пенсионеров играла советская пресса. Государственные учреждения и общественные организации были обязаны реагировать на «сигналы» периодической печати, принимая конкретные решения по защите прав граждан, в том числе и учителей-пенсионеров.

Таким образом, несмотря на то, что в организации мероприятий по социальному обеспечению пенсионеров-учителей, реализуемых государством в первое послевоенное десятилетие, можно отметить ряд противоречий, напрашивается вывод о регулярном характере принимаемых мер, что свидетельствует о системном характере государственной политики в этой области. Был создан четкий механизм обеспечения учителей-пенсионеров, значительную роль в котором играл профсоюз работников начальной и средней школы. Эффективными звеньями этого механизма были РОНО, обкомы и органы периодической печати.

Знаковыми событиями в области социального обеспечения учителей-пенсионеров стали учреждение персональных премий, распространение государственных наград на работников сферы образования и разработка системы льгот, закрепленной соответствующим Постановлением. Награждение учителей высшими правительственными наградами Советского Союза подчеркивало значимость их труда в обществе, способствовало повышению их статуса. Положительным опытом советского государства можно считать учреждение специализированных домов престарелых для учителей. Системность пенсионной политики СССР подчеркивает и тот факт, что государство заботилось не только о материальном положении вышедших на пенсию учителей, но и об их досуге, предоставляя простые, доступные, но эффективные возможности для полноценного социального развития. Поэтому вышедшие на пенсию одинокие учителя чувствовали свою включенность в социум, оставались его активными участниками, а не выброшенными за борт жизни.

В 1945–1955 гг. советское государство, несмотря на сложные исторические условия (послевоенную разруху, экологические бедствия: голод 1947 г., землетрясение в Ашхабаде в 1948 г.), приняло ряд успешно реализованных целенаправленных мер, имевших положительный социальный эффект и направленных на повышение уровня социальной защищенности учителей-пенсионеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов, А.К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории. Вып. 9 / Российская академия наук, Институт российской истории. М.; Тула: Гриф и К, 2010. 524 с.
2. Старикова, Н.В., Шуришкова, А.В., Шляхов, М.Ю. Официальная и реальная биографии в контексте советской традиции нематериального стимулирования труда в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2021. № 7. С. 479–495.

3. *Наволоцкая, Д.И.* Создание героини: трудовой рекорд Дуся Виноградовой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 431–452.
4. *Зубкова, Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М.: РОС-СПЭН, 2000. 229 с.
5. *Кисляков, П.А., Меерсон, А.-Л., Егорова, П.А.* Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1093> (дата обращения: 20.10.2021).
6. *Айнакина, Л.И.* Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 46 с.
7. *Николаев, Е.Е.* Советская социальная политика в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). С. 140–148.
8. *Иванова, Г.М.* Формирование советской модели пенсионного обеспечения в середине 1950-х годов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С.129–136.
9. *Богуславский, М.М.* Двадцатый век российского образования. М.: Perse, 2002. 319 с.
10. *Рабежа, Д.И.* История становления и формирования системы социальной защиты населения в 1991–2000 гг.: по материалам Нижегородской и Кировской областей: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2010. 190 с.
11. *Дьячкин, А.С., Кисельников, А.Б.* Изменения в системе подготовки педагогических кадров в СССР в 50-х – начале 60-х годов XX века // Грамота. 2019. Т. 4. Вып. 4. С. 47–51.
12. *Фролова, С.В.* Профессиональное воспитание будущего учителя: дискуссия о концептуальных положениях // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1227> (дата обращения: 20.10.2021).
13. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3126. Оп. 1. Д. 106.
14. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 6715. Оп. 2. Д. 24.
15. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-2342. Оп. 1. Д. 306.
16. Государственное казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2529. Оп. 4. Д. 192.
17. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6192.
18. Горьковская коммуна. 1951. 30 июня.

REFERENCE

1. Sokolov, A.K. Problemy motivacii truda na sovetskih predpriyatiyah [Problems of Labor Motivation at Soviet Enterprises], *Trudy Instituta rossijskoj istorii*. Вып. 9 = Proceedings of the Institute of Russian History, Iss. 9. Moscow; Tula: Grif i K, 2010, 524 p. (in Russ.)
2. Starikova, N.V., Shurshikova, A.V., Shlyahov, M.YU. Oficialnaya i realnaya biografii v kontekste sovetskoj tradicii nematerialnogo stimulirovaniya truda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Official and Real Biographies in the Context of the Soviet Tradition of Non-Material Stimulation of Labor During the Great Patriotic War], *Nauchnyj dialog* = Scientific Dialogue, 2021, No. 7, pp. 479–495. (in Russ.)

3. Navolockaya, D.I. Sozdanie geroini: trudovoj record Dusi Vinogradovoj [The Creation of a Heroine: Dusi Vinogradova's Labor Record], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istorija Rossii* = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia, 2019, vol. 18, No. 2, pp. 431–452. (in Russ.)
4. Zubkova, E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2000, 229 p. (in Russ.)
5. Kislyakov, P.A., Meerson, A.-L., Egorova, P.A. Pokazateli psihologicheskoy ustojchivosti lichnosti k sociokulturnym ugrozam i negativnomu informacionnomu vozdejstviyu [Indicators of Psychological Stability of Personality to Sociocultural Threats and Negative Informational Impact], *Vestnik Mininskogo universiteta* = Bulletin of the Mininsky University, 2020, vol. 8, No. 2. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1093> (accessed: 20.10.2021). (in Russ.)
6. Ajnakina, L.I. *Partijno-gosudarstvennaya politika v sfere narodnogo obrazovaniya v RSFSR (1922–1991 gg.)* [Party-State Policy in the Sphere of Public Education in the RSFSR (1922–1991)]: Extended Abstract of ScD Dissertation (History). Moscow, 2001, 46 p. (in Russ.)
7. Nikolaev, E.E. Sovetskaya socialnaya politika v poslevoennyj period (1945–1953 gg.) [Soviet Social Policy in the Post-War Period (1945–1953)], *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* = Society: Philosophy, History, Culture, 2018, No. 8 (52), pp. 140–148. (in Russ.)
8. Ivanova, G.M. Formirovanie sovetskoj modeli pensionnogo obespecheniya v seredine 1950-h godov [Formation of the Soviet Model of Pension Provision in the Mid-1950s], *Izvestiya Samarsko gonauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013, vol. 15, No. 5, pp. 129–136. (in Russ.)
9. Boguslavskij, M.M. *Dvadcatyj vek rossijskogo obrazovaniya* [The Twentieth Century of Russian Education]. Moscow: Per se, 2002, 319 p. (in Russ.)
10. Rabezha, D.I. *Istorija stanovleniya i formirovaniya sistemy socialnoj zashchity naseleniya v 1991–2000 gg.: po materialam Nizhegorodskoj i Kirovskoj oblastej* [The History of the Formation and Formation of the Social Protection System of the Population in 1991–2000: Based on the Materials of the Nizhny Novgorod and Kirov Regions]: PhD Dissertation (History). Nizhnij Novgorod, 2010, 190 p. (in Russ.)
11. Dyachkin, A.S., Kiselnikov, A.B. Izmeneniya v sisteme podgotovki pedagogicheskikh kadrov v SSSR v 50-h – nachale 60-h godov XX veka [Changes in the System of Teacher Training in the USSR in the 50s – Early 60s of the Twentieth Century], *Gramota* = Diploma, 2019, vol. 4, Iss. 4, pp. 47–51. (in Russ.)
12. Frolova, S.V. Professionalnoe vospitanie budushchego uchitelja: diskussiya o konceptualnyh polozheniyah [Professional Education of a Future Teacher: Discussion of Conceptual Provisions], *Vestnik Mininskogo universiteta* = Bulletin of Mininsky University, 2021, vol. 9, No. 2. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1227> (accessed: 20.10.2021). (in Russ.)
13. *Gosudarstvennyj obshchestvenno-politicheskij arhiv Nizhegorodskoj oblasti* [State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region], fund 3126, inventory 1, file 106. (in Russ.)
14. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* [Central State Archive of the Kirov Region], fund 6715, inventory 2, file 24. (in Russ.)
15. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* [Central State Archive of the Kirov Region], fund R-2342, inventory 1, file 306. (in Russ.)
16. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Centralnyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti* [State Institution Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], fund 2529, inventory 4, file 192. (in Russ.)

17. *Gosudarstvennyj obshchestvenno-politicheskij arhiv Nizhegorodskoj oblasti* [State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region], fund 3, inventory 1, file 6192. (in Russ.)
18. *Gorkovskaya kommuna* = Gorky commune, 1951, June 30. (in Russ.)

Смирницкий Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, ya.alex-smir1974@yandex.ru

Alexander E. Smirnitsky, PhD in History, Associate Professor, Russian History and Auxiliary Historical Disciplines Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, ya.alex-smir1974@yandex.ru

Старикова Нина Владимировна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, ninast78@yandex.ru

Nina V. Starikova, PhD in History, Chairperson, Russian History and Auxiliary Historical Disciplines Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, ninast78@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.11.2021. Принята к публикации 28.12.2021

The paper was submitted 23.11.2021. Accepted for publication 28.12.2021